

УДК 81'13

DOI: 10.17223/19986645/63/5

С.Т. Нефёдов, В.Е. Чернявская

КОНТЕКСТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ: ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ДИСКУРСИВНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Анализируются возможности и ограничения контекстуализации как опоры на неязыковые факторы при интерпретации смысла высказывания. Теоретические основы заданы в лингвистике текста, прагматике, когнитивной лингвистике, социальных теориях дискурса. Констатируется изменение представлений о речевой системности и перемещение фокуса на социальное взаимодействие и роль языка в коммуникативных практиках. Перспективы связываются как с методологией лингвистики, так и с социально ориентированными теориями.

Ключевые слова: контекст, контекстуализация, дискурсивный анализ, коммуникативная ситуация, социальная практика.

Введение

Предметом критического анализа является контекстуализация как динамическая сторона контекста. Под контекстуализацией понимается речемыслительный процесс выдвижения говорящим и процесс понимания адресатом некоторых составляющих контекста как основных и существенных смысловых опор, задающих рамки и перспективу для интерпретации коммуницируемого в форме речевых структур содержания. В духе прагмалингвистических и дискурсивно-аналитических исследований контекст осмысливается здесь как экстралингвистическое окружение целого текста, создающее его прагматическую и социокультурную релевантность. Это, прежде всего, социальный контекст и составляющие идентичности использующего язык человека: гендер, возраст, национальность, социальный, профессиональный статус и др. Контекст является объектом изучения социологии, философии, культурологии, культурной антропологии [1; 2. Р. 39–67; 3–8] и лингвистики в том числе.

Формулируя так, мы заостряем фокус внимания на ряде методологических проблем. Изучение языка и речевых структур всегда происходило в тесной связи с контекстом их употребления, ср.: «context-sensitive dimensions of language» [2. Р. 39], и потому контекстуализация может и должна рассматриваться как условие текстуальности. Действительно, следует исходить из того, что экстралингвистический контекст – основа для адекватной интерпретации смыслов и языковой деятельности вообще. Именно в точке взаимодействия конвенционального значения, идущего от системы языка, с релевантными параметрами контекста происходит семантизация языковых выражений и возникает актуальный, ситуативно обусловленный

смысл. Развитие и усиление интерпретативных подходов в лингвистике, противостоящих формально-структурным методам, связано именно с вовлеченностью в анализ все большего количества внешних факторов. Экспансионизм применительно к языковым исследованиям означает все большую контекстуализацию. При этом выявление релевантных, т.е. значимых для адекватного извлечения смыслов составляющих контекста, не обладает достаточной определенностью, не поддается формализованной процедуре как последовательности однозначных, воспроизводимых операциональных шагов исследователя. Как определить релевантные отношения между социокультурным контекстом и языковыми структурами – ключевой для исследователя и в то же время допускающий разные решения вопрос. Он ставит в фокус дискуссии несколько сложных проблем: недостаточное или, наоборот, избыточное расширение профиля дисциплины, ср.: underspecification, overgeneration of a discipline [9. Р. 79]; гиперинтерпретация; достижение доказательного характера лингвистики, баланса между формализованными и интуитивными подходами к языковому материалу [10, 11].

Цель анализа в рамках публикации в том, чтобы критически рассмотреть возможности и показать ограничения контекстуализации, т.е. опоры на внешние неязыковые факторы при интерпретации и реконструкции интенции автора и смысла высказывания. Теоретический контекст задан здесь исследованиями и дискуссиями 2000–2018 гг. (и отчасти в ранних публикациях) в лингвистике текста, когнитивной лингвистике, в интеракционной социолингвистике, социальных теориях дискурса. Проведенный анализ позволяет констатировать, во-первых, расширение предметного профиля лингвистики и изменение теоретических представлений о речевой системности; во-вторых, перемещение в фокус исследовательского интереса новых знаний об организации социального взаимодействия и роли языка в коммуникативных практиках.

Контекст в прагматическом и дискурсивном измерении

Операционализация контекста затрагивает, во-первых, уровень прагматической интерпретации высказывания и, во-вторых, уровень дискурсивного процесса его порождения и восприятия.

Связь речевой структуры с экстралингвистическим контекстом осмыслялась на протяжении последней трети XX в. как функционально и прагматически ориентированный вектор в лингвистике. Грамматика текста и новая дисциплина – лингвистика текста отходили от чисто структурного подхода именно через расширение объяснительных возможностей экстралингвистического контекста для анализа семантики слова и, далее, предложения. В анализе речевой структуры именно текст, а не слово или предложение становится основополагающим. При этом текст рассматривается в динамической проекции как постоянная семантизация многих значений, которые могут актуализироваться или не актуализироваться в конкретной

ситуации. Всякая языковая единица рассматривается не как семантическая постоянная с заданным лексиконом значением, но как переменная контекстно зависимая величина. Семантизация и понимание смысла языковых единиц происходят не только с опорой на их системно-языковые характеристики, но исходя из межтекстовых связей и контекстуальных характеристик. Таким образом, именно текст, а не слово и предложение является единицей коммуникации. Текст является знаком целой ситуации [12–14]. Ситуативный экстралингвистический контекст в прагмалингвистическом понимании включает время, место, отношения адресанта и адресата друг к другу – возрастные, профессиональные, личные, гендерные, культурно-специфические, а также фоновые и энциклопедические знания о мире, разделяемые участниками коммуникативной ситуации (подробнее см.: [15, 16]).

Прагматизация лингвистического анализа, т.е. расширение объема и количества экстралингвистических параметров, принимаемых во внимание при интерпретации речевой структуры, возрастает в дискурсивно ориентированных исследованиях (см., напр., [17]). В дискурсивном анализе и лингвистике дискурса особым образом реализуется текстоцентрический принцип языкового анализа, ушедшего от структурно-грамматического к функциональному, прагматически обусловленному пониманию текста. Дискурсивный анализ вскрывает влияние различных факторов коммуникативно-речевой деятельности на формирование речевых закономерностей.

Вообще, развитие и оформление лингвистического (не социально или философски ориентированного!) понимания дискурса стало следствием и продолжением прагматически ориентированной лингвистики, ср. точку зрения в [2. Р. 2]. Лингвистика дискурса – это выход за рамки грамматики текста в сторону все большей прагматизации и более широкого и многофакторного контекста. Лингвистика дискурса продолжает методологический принцип прагматически ориентированной лингвистики в изучении различных межтекстовых связей, эксплицитных и имплицитных.

Исследовательский вопрос «Как операционализировать контекст?» означает выбор исследовательской позиции относительно того, как можно определить его релевантные аспекты, действительно значимые для анализа данной (такой, а не иной) коммуникативной ситуации и текстовой структуры. Мера вовлечения экстралингвистических факторов в интерпретацию речевой структуры влияет на выводы интерпретатора. В современных дискуссиях вопрос, насколько далеко может зайти лингвист, интерпретируя речевую структуру внутри коммуникативной практики, предполагает две полярные позиции.

Одна позиция имеет в виду максимальное увеличение исследовательского обзора лингвиста, расширение его объекта и уровней анализа, использование методов, «традиционно» не использовавшихся для лингвистического анализа, в целом акцент ставится не на структуре, а на коммуникативной ситуации. Как следствие, можно констатировать расширение предметных границ лингвистики, изменение теоретических представлений о речевой системности; перемещение в фокус интереса знаний о роли иных

семиотических кодов в организации социального взаимодействия. Новыми объектами лингвистики становятся дискурс, интердискурсивность, медиальность, поликодовость.

Есть и другая, во многом противоположная этой позиция, которая связывается сегодня с «неоструктурализмом» и методологической строгостью лингвистических подходов. Основной тезис: лингвисты уходят слишком далеко к тому, что не могут непосредственно наблюдать и к чему не могут получить доступ, основываясь на своей методике. Лингвисты часто действуют по принципу «я так вижу», не задумываясь о строгости своих методов и объяснительных возможностях и ограничениях этих методов. Ср.: «Часто (может быть, даже по большей части) отсылка к методам и методикам носит чисто декларативный характер. Гуманитарное знание (за очень небольшими исключениями) не озабочивается доказательностью и объективностью» [18. С. 21].

Известная мозаичность и эклектичность подходов дает основание для критики со стороны специалистов. При этом существование нестрогих и недоказательных разработок само по себе не суть современных дискуссий вокруг проблемы доказательности гуманитарного знания вообще и лингвистики в частности. Этот вопрос кристаллизует действительно сложные задачи, как избежать гиперинтерпретации, в понимании У. Эко, или неоправданного сужения или чрезмерного расширения дисциплинарного профиля, в терминах современных исследователей [9], и как методологически отделить одно от другого. Применительно к контексту как объекту анализа представляется значимым следующее.

Вовлечение экстралингвистических факторов зависит от методологической позиции и исследовательской задачи лингвиста. Если лингвист работает с текстовой структурой в научной и технической коммуникации и решает задачи извлечения информации из текстов в условиях ее автоматизированной обработки, то ключевую роль играют именно языковые средства связности и когерентности. Приоритетна формализация лингвистического знания в объяснительных возможностях лингвистического инструментария. Опора на внешний контекст сводится к минимуму. Если же лингвист хочет понимать и интерпретировать сложные тексты, например художественные, и сложные коммуникативные ситуации, то опора на чисто лингвистическое знание языковых средств когезии и когерентности, грамматико-синтаксических моделей становится малоинформативной.

Действительным, реально изучаемым объектом сегодня являются не отдельная речевая структура, но коммуникативная ситуация и коммуникативная практика. Исследователи подчеркивают, что происходит и усиливается конвертация дискурсивных исследований в междисциплинарные с обязательным изучением социокультурной практики. При этом интересующие лингвиста текстовые структуры являются лишь частью дискурсивного анализа. В такой ситуации изучение языковых явлений перестает быть исключительной компетенцией лингвистов: изучением коммуникативных практик могут активно заниматься и специалисты других дисциплин.

плин, см. детальный анализ в работе Е.Н. Молодых [11]. Это по-новому, на новом витке обсуждений ставит вопрос о том, какие методы в рамках лингвистического анализа позволяют достичь доказательного анализа смысла высказывания и вносить свой дисциплинарный вклад в действительно комплексные и междисциплинарные феномены.

В таком исследовательском ракурсе объяснительные возможности и одновременно ограничения «чисто» лингвистического анализа зависят от степени маркированности связей между отдельной структурой / текстом и «вокругтекстовым» фоном. Они могут быть, во-первых, эксплицитными, явно выраженными автором в речевой структуре; во-вторых, намеренно не выраженными в тексте, скрытыми автором сообщения; в-третьих, не выраженными в тексте, но выявляемыми аналитически. В первом и втором случае межтекстовые связи выявляются методами семантического анализа текста, анализа формы изложения (функционально-смыслового типа речи): аргументативного, нарративного, экспликативного, дескриптивного, анализа скрытых смыслов связной речи – пресуппозиций и имплицатур, интертекстуального анализа цитат, косвенной речи, анализа словарных дефиниций как способа экспликации семантики слова и другими методами.

На прагматическом уровне процесс понимания предполагает три основных этапа соотнесения ключевых исследовательских вопросов с процедурой их обоснования. Вопрос «О чем высказывание?» предполагает установление референции, т.е. корректного соотнесения знака / текста и соответствующей ситуации / фрагмента действительности. Вопрос «Как элементы высказывания связаны?» предполагает описание средств когезии и когерентности, т.е. формально-грамматической и содержательной целостности высказывания. Вопрос «Каков смысл высказывания?» получает ответ через инференцию, когнитивную операцию установления связей между тем, что и как выражено средствами языка, и фоновым знанием коммуникантов о ситуации и о мире. Здесь контекст является составляющей для рутинного понимания. Например, форма высказывания 'Я был вчера с моим псом у ветеринара. Он его укусил' не порождает действительной неоднозначности в понимании, кто кого укусил, поскольку коллективные энциклопедические знания о мире регулируют адекватную референцию: пес укусил ветеринара. Контекст как совокупность актуальных, здесь и сейчас разделяемых коммуникантами фоновых знаний, однозначно направляет и поддерживает семантизацию и корректное понимание смысла. Возможная двусмысленность может быть отнесена только к риторическому эффекту, но не создает действительной неоднозначности декодирования смысла.

Выявление скрытых, т.е. не маркированных автором, но потенциально возможных связей между высказываниями и смыслами становится действительно сложной задачей, когда контекст перестает быть «здесь и сейчас» актуальным. В такой ситуации исследовательские и методологические проблемы возникают вследствие несводимости семантики и прагматики высказывания / текста.

Так, понимание популярной в 1970-е гг. в советское время песни «Ромашки спрятались» предполагает ответ на вопрос «Зачем она сняла пиджак? Что это означает?». Ср.:

Ромашки спрятались, поникли лютики.
Когда застыла я от горьких слов.
Зачем вы, девочки, красивых любите,
Не постоянная у них любовь.
Сняла решительно пиджак сброшенный,
Казаться гордою хватило сил.
Ему сказала я: «Всего хорошего!»,
А он прощения не попросил.

Процесс понимания текстового целого начинается с понимания значения языковых элементов: «пиджак» – это часть мужской одежды, в отличие от «жакета», части женской одежды. Семантика других единиц в тексте создает картину отношений между влюбленной парой: он и она. Адекватное понимание текстового целого возможно только с опорой на знание релевантного контекста – типичного для 1960–1970-х гг. стиля общения и поведения, когда влюбленная пара узнавалась во время прогулок по мужскому пиджаку на плечах девушки как свидетельство того, что она допускает и принимает внимание от идущего рядом человека. Снятый пиджак – это маркер в драматургии отношений, а именно знак разрыва отношений. Этот текст может и должен рассматриваться как репрезентант соответствующей дискурсивной практики, отражающий коллективные представления о правильном, типичном, о специфических культурных моделях поведения и связанных с ними культурных кодах. Когда та или иная практика перестает по разным причинам быть актуальной, текст становится герметичным и трудноинтерпретируемым, что и происходит с современным адресатом. Контекст производства текста перестает быть узнаваемым.

Контекстуализация как дискурсивная компетентность

Контекст понимается здесь как конструируемая категория, предполагающая понимание участниками коммуникации значения определенного аспекта ситуации для ее адекватного анализа. Контекст не может быть сведен к понятию непосредственного ситуативного контекста, идентифицируемого на основе принципа кооперации. Контекст не является статичным, т.е. предзаданным набором внешних факторов, способных влиять на осмысление и понимание. Он формируется автором высказывания и прочитывается адресатом по мере развития коммуникации. Это означает, что в конкретной коммуникативной ситуации происходит распознавание и выдвижение некоторых составляющих социальной практики как сильнодействующих и основных для интерпретации семантики языковых единиц. Осмысление речевой структуры происходит в ее широких социальных связях. Языковая компетентность носителя языка и его способность к интер-

претации могут быть представлены как дискурсивная компетентность, т.е. как возможность и способность определить, какие потенциально возможные связи актуальны и адекватны для интерпретации смысла. Дискурсивная компетентность – это способность выводить замысел отправителя сообщения, его имплицатуры и пресуппозиции на основе интертекстуального знания, владения общими кодами и социокультурными конвенциями. В практике лингвистического анализа изучается не формально-структурное, но динамическое взаимодействие смысла текста как сложного знака, соотнесенного с дискурсом, и смысла адресата, контролируемое дискурсивной компетенцией последнего.

Дискурсивная компетентность в таком ее понимании формируется социальной практикой. Наблюдая конкретные проявления коммуникации, исследователь ставит себя в позицию коммуникантов и может делать вывод о модусах человеческого взаимодействия в социуме («sociation», по Г. Зиммелю). Принцип конструктивизма в отношении контекста отражает общую тенденцию и методологическую установку гуманитарного знания ориентироваться на ценности, познавательные установки и культурную специфику в анализе образа реальной действительности, зафиксированного в языке и текстах. Конструктивизм активно используется с 1980-х гг. для обозначения конструируемой социальной реальности, продолжая и развивая введенное В. Дильтеем понятие. Конструктивистский подход стал в том числе следствием критического осмысления лингвистического поворота и проявляется в фокусировании дискурсивного характера интерпретации и понимания, см. также [19, 20].

Интерпретация высказывания может иметь разное целеполагание. Целью может быть выявление интенции отправителя сообщения в том виде, в котором она кодируется в тексте и передается лингвистическими средствами: «С какой целью хотел сказать автор то, что он сказал?». Это приоритетно для прикладной лингвистики, работающей с коммуникативными ситуациями и дискурсами, ориентированными на воздействующий эффект, – политическая, рекламная коммуникация, и для практики лингвистической экспертизы.

Лингвистическая теория осмысляет и другую перспективу: рецептивные процессы, их диалогичный характер, «текст в голове адресата», т.е. возникающие перлокутивные эффекты – «что говорит текст этому конкретному адресату». Разделение методологических подходов и применяемого инструментария проходит как раз по линии операционализации контекста, когда прагматика накладывает «рамку восприятия» на семантику. Внутри лингвистической теории действительно возможны и сосуществуют очень широкие подходы, допускающие полифонию, вариативность восприятия, множественность смыслов. И здесь лингвистика взаимодействует с блоком смежных дисциплин – с психологией, социологией, литературоведением в объяснении рецептивных эффектов. В прикладном аспекте в коммуникативной практике следует принимать во внимание, что восприятие и оценка высказывания имеет социально значимые эффекты и институционально контролируемые последствия.

Признание контекста конструируемой категорией предполагает разграничение в операциональном анализе, с одной стороны, контекста порождения высказывания, с другой – контекста восприятия высказывания реципиентом.

Контекст восприятия может активно конструироваться. Практически не существует ограничений для того, чтобы принять какой-либо внешний фактор релевантным для контекста речевого акта, ср.: *There is no limit in principles to what might be included in a given context, to what might be shown to be relevant to the performance of a particular speech act* [21. Р. 124]. Констатируя это, мы имеем в виду следующее.

Контекст может активно формироваться исследователем в зависимости от выбранной методологической позиции. Так, контекст с разной мерой допущения внешних экстралингвистических факторов операционализируется в разных концепциях дискурсивного анализа. Исследователь, руководствуясь заданными целями, может выдвигать определенные контекстно зависимые характеристики в семантике и прагматике текста. В таком ракурсе дискурс становится для исследователя инструментом обнаружения тех внешних социально обусловленных факторов, которые он, исследователь, усматривает за использованием языка. Именно такой подход заявляется в критическом анализе дискурса (*Critical Discourse Analysis*), по Н. Фэрклафу, Р. Водак и др., когда в интерпретации текста намеренно прослеживается зависимость языковых форм от идеологических, властных отношений в обществе. Изучается не язык как таковой, но представления о широком идеологическом контроле и социальном доминировании. Связь идеологии и определенного употребления языка не всегда осознается как таковое участниками коммуникации. Заявляемая цель критического анализа дискурса – отразить эту связь как очевидную, регулярно действующую. Основной темой критического анализа дискурса являются социальное неравенство, латентный антисемитизм, расистские, гендерные предубеждения в среде интеллектуалов, в академической среде, которые исследователи, практикующие КДА, прослеживали в том числе на уровне обыденной коммуникации в тривиальных высказываниях. Критический анализ дискурса хочет высветить различные формы ксенофобии и социального неравенства, в том числе те, которые отрицаются или замалчиваются.

В новых разработках последних десятилетий такое целеполагание и выводы критического дискурс-анализа вызывают возражения как редукционистский и ангажированный подход, при котором идеологический аспект приобретает характер абсолютной детерминированности. Анализ реализуется как заданный поиск проявлений идеологически обусловленной идентичности в текстовых структурах [2. Р. 21–38; 22. Р. 23; 23; 24].

Одновременно с таким предзаданным конструированием контекста восприятия существует другая проблема, а именно восприятие и понимание высказывания в рамках актуальной «здесь и сейчас» социальной практики. Контекст восприятия подвижен, изменчив в силу исторической изменчивости и культурной динамики социальных, политических, экономи-

ческих, этических связей в обществе. В актуальной практике происходит выдвижение одних его составляющих и погашение и исключение других.

Например, выдвижение идеологического контекста как основы прочтения всякого, в том числе утилитарного, высказывания было характерно для практик контроля и цензуры, например, в советский период. В СССР существовало Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), осуществлявшее придирчивый контроль за рутинными высказываниями и художественными произведениями, заподозренными в нелояльном к советским государственным структурам подтексте. Идеологически ориентированная критика вычитывала рутинные языковые единицы и объясняла их употребление как политически мотивированное иносказание. Литература для детей, сказки К. Чуковского, песни становилась объектом для приписывания нелояльных иносказаний. Так, например, советские песни в 1970-е гг. придирчиво критиковались как содержащие нелояльные намеки. Строки из песни про зайцев из кинофильма «Бриллиантовая рука» «А нам все равно, а нам все равно...» понимались как фрондерское высказывание против советской действительности, слова «Есть только миг между прошлым и будущим» как легковесные, ставящие под сомнение цели строителей коммунизма. Песня «И не надо зря портить нервы. Вроде зебры жизнь, вроде зебры. Черный цвет, а потом будет белый цвет. Вот и весь секрет» вообще не вошла в финальную версию фильма «Двенадцать стульев» в 1971 г. с доводом, что советские люди могут услышать это как высказывание про черную полосу в современный им советский период (см.: выпуск памяти поэта Л. Дербенева на Первом канале 04.2016 г. (www.1tv.ru/doc/stati/leonid-derbenev-etot-mir-priduman-ne-nami)).

Единичные высказывания могут прочитываться как типичные и серийные потому, что намеренно создается и поддерживается ценностное пространство, в котором они воспринимаются как типичные и серийные. Принципиально значимым в понимании и объяснении сути контекстуализации является фокус на доминирующем «прочтении», на коллективной практике понимания. Возникает «рамка дискурса», отсекающая все то, что не попадает в ее пространство. Отсекаются возможности для появления альтернативных, «чужих» смыслов; одни тексты (смыслы, понятия) притягиваются в рамочное пространство дискурса как близкие, «свои», другие исключаются как нерелевантные и «чужие». Создаются «лингвистические фильтры», возникающие в результате системного отбора стереотипизированных, конвенциональных языковых средств, приемов для выражения типичных смыслов и узнаваемых адресатом автоматически.

Представляя эти суждения, отметим, что опора на социокультурную практику в объяснении процессов контекстуализации представляет один из возможных подходов. Исследовательские усилия объяснить механизмы отбора и актуализации неких внешних факторов для адекватного понимания конкретной коммуникативной ситуации связаны в том числе с когнитивным подходом и моделированием контекста на основе данных когнитивных наук. Идея о существовании «когнитивного интерфейса» как свя-

зующего звена между общественной практикой, речевой коммуникацией и дискурсом представлена в работах Т. ван Дейка и его последователей. В соответствии с когнитивным подходом контекст может быть теоретизирован как ментальная модель, а именно как когнитивная конструкция, включающая уникальный опыт участника коммуникации и коллективное знание, разделяемое всеми представителями лингвокультурного сообщества. Контекстные модели, по ван Дейку, контролируют производство и понимание дискурса и постоянно адаптируются к динамичной социокультурной среде при интерпретации актуальной ситуации (см.: [25, 26]).

Такая теория контекстуальных моделей остается дискуссионной, подробнее анализ и обзор литературы см. в работе [27]. Открыт вопрос, как именно субъект адаптирует множество внешних факторов и, главное, как можно зафиксировать для анализа процесс отбора участником коммуникации релевантных, с его точки зрения, факторов при взаимодействии с заданной ситуацией. Доказательность достижима на основе новых данных, которые связаны с прорывами в нейро- и когнитивных науках, моделирующих сложные процессы речемыслительной деятельности.

Признание социально конструируемого характера коммуникативной практики вообще и контекста в частности ставит акцент на симультанно действующих в коммуникативных практиках форматах медиальности, нормах и стратегиях объективации смысла в знаково-символических формах. Одновременно это выдвигает в центр внимания вопрос контроля над каналами передачи информации. Формат, или в иной терминологии, медиальность, как канал передачи информации является одним из аспектов ситуации, способных программировать определенное направление внимания адресата, подробнее см.: [28]. Формат канализирует содержание. Это тот дополнительный параметр ситуации, который направляет интерпретацию и понимание сообщения. Можно утверждать, что формат становится фактором выдвижения определенного смысла, при этом выдвижение актуализируется не отдельными языковыми средствами – риторическими приемами и структурной организацией внутри текста, но коммуникативным форматом. «The medium is the message» – известный афоризм Г.М. Маклюэна, сформулированный в 1964 г., точно определяет суть выдвижения за счет канала сообщения в эпоху средств массовой информации.

Выводы

1. В объяснительных подходах к контекстуализации выделимы два различных исследовательских фокуса: когнитивный фокус, т.е. исследования в связи с когнитивными процессами, детерминирующими понимание ситуации как когерентного целого, и социальные теории дискурса, в соответствии с которыми на когерентность существенно влияют социальные практики, т.е. социокультурный контекст. В качестве основного объяснительного подхода здесь избран и представлен второй, а именно интеракционный социально ориентированный подход. Для лингвиста в практике

лингвистического анализа это означает следующее: работать с контекстом – значит, опираясь на речевые структуры и через речевые структуры, восстанавливать динамическую сторону контекстуализации, чтобы доказательно объяснять выбор языковых средств: их коммуникативную уместность или неуместность, манипулятивное использование языка, косвенные и имплицитные способы выражения коммуницируемых смыслов и т.д. Это, в свою очередь, предполагает определение и включение в анализ речевых структур значимых характеристик актуальной практики в ее культурной, исторической, локальной обусловленности.

2. Теоретические дискуссии и, как следствие, выбор теоретической позиции значимы для прикладной лингвистики тем, что по-новому определяют роль исследовательского инструментария в анализе коммуникативных ситуаций. Контекст не поддается формализации, его анализ не может быть представлен как система очевидных языковых маркеров и исследовательских процедур. Применение лингвистического инструментария дает возможность, основываясь на формах вербализации, устанавливать с достаточной мерой строгости и достоверности интенцию автора высказывания с опорой на контекст порождения высказывания. При этом следует подчеркнуть, что опора на семантику языковых единиц оказывается во многих анализируемых лингвистом ситуациях единственным доказательным инструментом и источником информации о том, как протекает процесс когниции – восприятия, понимания, оценочной реакции человека. Лингвистика не может быть однозначной при выявлении речевых эффектов в связи с контекстом восприятия текста, не обладает методиками доказательства того, как именно высказывание понимается и оценивается реципиентом, с какими потенциально возможными смыслами, кодами, темами единичное высказывание может быть связано в «голове реципиента», в его, реципиента, дискурсивном контексте.

3. Когерентность создается не только семантикой языковых единиц и ситуативными знаниями коммуникантов, но в большой мере основывается на значимости для участника коммуникации того или иного аспекта ситуации. А это ставит в центр внимания коллективную практику восприятия и понимания, так называемое доминирующее прочтение смыслов в актуальном социокультурном контексте. Релевантность внешних, действующих на понимание факторов не может быть определена только лингвистическим инструментарием. Перспективы теоретизации контекста очевидно связаны не только и не именно с методологическими возможностями лингвистики, но с аналитическим потенциалом социальных теорий дискурса и с данными нейро- и когнитивных наук. Контекстуализация, понимаемая как социально управляемый процесс, включает в себя проблемы контроля над каналами передачи информации.

Литература

1. Auer, P., and Di Luzio, A. (Eds.) *The Contextualization of Language*. Amsterdam : John Benjamins, 1992. 402 p.
2. Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 299 p.

3. *Duranti A., Goodwin Ch.* (Eds.) *Rethinking Context: An Introduction // Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language). Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
4. *Schegloff E.* Whose text? Whose context? // *Discourse and Society*. 1997. № 8. P. 165–187.
5. *Dijk T.A. van.* *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London ; New York : Longman, 1977. 261 p.
6. *Dijk T.A. van.* Discourse, context and cognition // *Discourse Studies*. 2006. № 8 (1). P. 159–177.
7. *Cicourel A.* The interpenetration of communicative contexts // *Duranti A., Goodwin Ch.* (Eds.) *Rethinking context*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 291–310.
8. *Widdowson H.G.* Text, context, pretext: Critical issues in discourse analysis. (language in society). Wiley Online Library, 2004. 200 p.
9. *Spitzmüller J., Warnke I.* Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations // *Critical Discourse Studies*. 2011. Vol. 8 (2). P. 75–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2011.558680>.
10. *Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.* Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. С. 77–84.
11. *Молодыхенко Е.Н.* «Свой и чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция чужого в американской президентской риторике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 59.
12. *Beaugrande R. de.* *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood, NY, 1997. 670 p.
13. *Esser J.* *Introduction to English Text-linguistics*. Peter Lang. Frankfurt/M. 2009. 209 p.
14. *Чернявская В.Е.* Текст в медиальном пространстве. М. : УРСС, 2014. 232 с.
15. *Gumperz J.* Sharing Common Ground // *Keim I., Schütte W.* (Eds.). *Soziale Welten und kommunikative Stile*. Tübingen : Narr, 2002. P. 47–55.
16. *Auer P.* Context and contextualization // *Verschueren J., Östman J.-O.* (Eds.). *Key Notions of Pragmatics*. Amsterdam : Benjamins, 2009. P. 86–101.
17. *Нефёдов С.Т.* Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>
18. *Баранов А.Н.* Лингвистика в лингвистической экспертизе: метод и истина // *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2017. Т. 16, № 2. С. 18–27. DOI.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2
19. *Молодыхенко Е.Н.* Аксиология дискурса консьюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 6 (38). P. 55–66. DOI: 10.17223/19986645/38/5
20. *Molodychenko E.N.* Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Discourse Analysis // *St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Humanities and Social sciences*. 2017. Vol. 8, № 3. P. 122–133. DOI: 10.18721/Jhss.8312
21. *Culler J.* *On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism*. London : Routledge and Kegan Paul, 1983. 307 p.
22. *Warnke I., Spitzmüller J.* (Hg.). *Methoden der Diskurslinguistik*. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2008. 236 S.
23. *Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
24. *Чернявская В.Е.* Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного под-

ходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. Р. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37

25. Dijk T.A. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge University Press, 2008. 267 p.

26. Dijk T.A. van. Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 287 p.

27. Чернявская В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. № 9 (4). С. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93

28. Чернявская В.Е. Поликодовость vs «логоцентризм» в речевом воздействии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 2. С. 3–9. DOI: 10.20339/PhS.2-16.003

Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5

Sergei T. Nefedov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nefedovst@gmail.com

Valeria E. Chernyavskaya, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tchernyavskaya@rambler.ru

Keywords: context, discourse analysis, communicative situation, social practice.

This article raises some methodological issues that are currently discussed within the discourse-linguistic branch with regard to context and contextualization. Problems lie in the arbitrary way in which contexts are referred to. The author focuses on the question about what people in a given situation and social setting need to know in order to understand each other. She argues that the notion of context is outlined in sociolinguistics, linguistic anthropology, cultural studies, text linguistics and is also integrated in modern pragmatics and linguistic discourse analysis, which separates these approaches from formal linguistics. The article discusses the explanatory merits and limitations of contextualization, e.g., the extent to which different extralinguistic factors can be effectively used in text interpretation and meaning-making. The author's aim is to contribute to the on-going methodological debate on underspecification and overgeneration of linguistic analysis. How to indicate and to define extralinguistic aspects relevant in explanation of text meanings is a key question both in modern text linguistics and discourse linguistics. In a broader dimension, the article might contribute to evidence-based interpretation of linguistic facts. The context is discussed as a sociocultural environment of a text structure. It is stressed that in a sociolinguistic approach to meaning-making, context cannot ontologically be separated from language, for it is a fundamental part of the meanings constructed in language. Context is what turns language into a "social fact". From that perspective, the author argues that the notions of context are built on social practice and on the understanding of the place of social actors and activities therein. This article shows that the operationalization of a context is to explain as a discursive competence of language speakers sharing social practice and cognitive framework. It is social practice that causes and affects the operationalization of relevant context aspects and thus the adequate understanding of text meanings. To operationalize context means to take into consideration features of actual practice in specific cultural, historical, political, etc. conditions. The discursive competence controls all the relevant aspects of the production and comprehension of discourse that vary with the social situation. The article stresses the continuously evolving, multi-scale and dynamic aspects of context, as well as the intrinsic unity of context and action.

References

1. Auer, P. & Di Luzio, A. (eds) (1992) *The Contextualization of Language*. Amsterdam: John Benjamins.
2. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Duranti, A. & Goodwin, Ch. (eds) (1992) Rethinking Context: An Introduction. In: *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language). Cambridge University Press. pp. 1–42.
4. Schegloff, E. (1997) Whose text? Whose context? *Discourse and Society*. 8. pp. 165–187.
5. Dijk, T.A. van. (1977) *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London; New York: Longman.
6. Dijk, T.A. van. (2006) Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 8 (1). pp. 159–177.
7. Cicourel, A. (1992) The interpenetration of communicative contexts. In: Duranti, A. & Goodwin, Ch. (eds) *Rethinking context*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 291–310.
8. Widdowson, H.G. (2004) *Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis*. (Language in Society). Wiley Online Library.
9. Spitzmüller, J. & Warnke, I. (2011) Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations. *Critical Discourse Studies*. 8 (2). pp. 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680
10. Belyaeva, L.N. & Chernyavskaya, V.E. (2016) Evidence-Based Linguistics: Methods in Cognitive Paradigm. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3. pp. 77–84. (In Russian).
11. Molodychenko, E.N. (2019) “Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 67–86. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/5
12. Beaugrande, R. de. (1997) *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood, NY: Praeger.
13. Esser, J. (2009) *Introduction to English Text-Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang.
14. Chernyavskaya, V.E. (2014) *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the Medial Space]. Moscow: URSS.
15. Gumperz, J. (2002) Sharing Common Ground. In: Keim, I. & Schütte, W. (eds) *Soziale Welten und kommunikative Stile*. Tübingen: Narr. pp. 47–55.
16. Auer, P. (2009) Context and contextualization. In: Verschueren, J. & Östman, J.-O. (eds) *Key Notions of Pragmatics*. Amsterdam: Benjamins. pp. 86–101.
17. Nefedov, S.T. (2017) Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 14 (4). pp. 599–610. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.408
18. Baranov, A.N. (2017) Linguistics in Forensic Linguistic Expertise (Method and Truth). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie – Science Journal of VolSU. Linguistics*. 16 (2). pp. 18–27. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.2
19. Molodychenko, E.N. (2015) Axiological Dimension in the Discourse of Consumerism: The Role of Evaluative Language in the Lifestyle Genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (38). pp. 55–66. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/38/5
20. Molodychenko, E.N. (2017) Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Discourse Analysis. *St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Humanities and Social Sciences*. 8 (3). pp. 122–133. DOI: 10.18721/Jhss.8312

21. Culler, J. (1983) *On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism*. London: Routledge and Kegan Paul.
22. Warnke, I. & Spitzmüller, J. (Hg.) (2008) *Methoden der Diskurslinguistik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
23. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9
24. Chernyavskaya, V.E. (2018) Missing Evidence-Based Link? Towards Qualitative and Quantitative Approaches in Language Studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 31–37. (In Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37
25. Dijk, T.A. van. (2008) *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press.
26. Dijk, T.A. van. (2009) *Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Chernyavskaya, V.E. (2017) Operationalization of Context in Discourse Analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 9 (4). pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93
28. Chernyavskaya, V.E. (2016) Multimodality vs “Logocentrism” in Persuasion. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2. pp. 3–9. (In Russian). DOI: 10.20339/PhS.2-16.003